

Посвящается Ною
*Te iubesc*¹

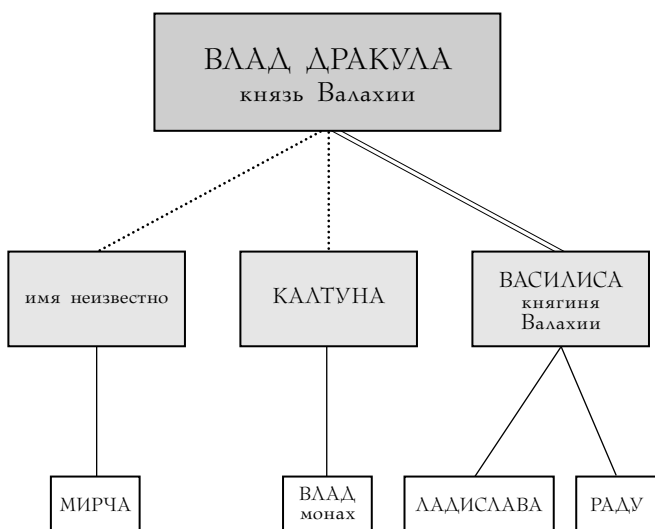
¹ Я тебя люблю (рум.). — Прим. пер.

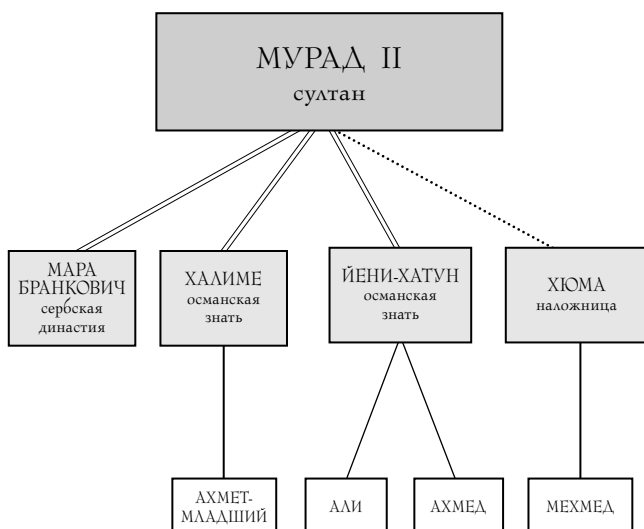
ВАЛАХИЯ

- ..... любовница
===== супруга
————— потомок

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ

..... наложница

== супруга

— потомок

1435 год, Сигишоара, Трансильвания

Тяжелые брови Влада Дракулы сдвинулись, предвещая бурю, когда врач сообщил, что его жена произвела на свет девочку. Его предыдущие дети — один, теперь уже совсем взрослый, от первой жены, и даже родившийся в прошлом году внебрачный ребенок от любовницы, — были мальчиками. Он и не думал, что его семя настолько ослабло, что способно сотворить девочку.

Он толкнул дверь и вошел в крошечную, тесную и душную спальню. Там пахло кровью и страхом, и он с отвращением поморщился.

Их дом в цитадели Сигишоары, стоявший на тесной площади у главных ворот, возле переулка, провонявшего человеческими испражнениями, был весьма далек от того, чего он заслуживал. Наличие прислуги в количестве десяти человек было скорее данью традиции, говорящей о его статусе. Он был военным губернатором Трансильвании, но ему полагалось стать правителем всей Валахии.

Может быть, поэтому он оказался проклят девочкой. Еще одно оскорбление его чести. Он состоял в Ордене Дракона, одобренном самим папой римским. Он должен был быть воеводой, князем-главнокомандующим, но престол занимал его брат, а сам он управлял саксами, незаконно осевшими на его земле.

Скоро он продемонстрирует ему свою честь на острие сабли.

Василиса лежала в постели, мокрая от пота, и надрывно стонала. Несомненно, слабое семя, укоренившееся в ее утробе, происходило от нее. При виде жены его желудок скрутило. В этот момент ничто — ни манеры, ни внешний вид — не выдавали в ней княгиню.

Няня держала на руках маленького краснолицего монстра. Он громко вопил. Имени для девочки у Влада не было. Василиса наверняка выбрала бы имя, прославляющее ее род, но Влад ненавидел членов молдавской королевской семьи, из которой она происходила, ведь родство с ними не дало ему никакого политического преимущества. Он уже назвал своего внебрачного сына в честь себя, Владом. И дочку назовет так же.

— Ладислава, — объявил он. Это была женская форма имени Влад. Уменьшительная. Ослабленная. Если Василисе хотелось дать ребенку сильное имя, ей стоило родить ему сына. — Давайте помолимся о том, чтобы она выросла красавицей, и мы бы извлекли из нее хоть какую-то пользу, — сказал он. Ребенок завопил еще громче.

Королевские груди Василисы представляли собой слишком большую ценность, чтобы из них сосали молоко. Подождав, пока Влад уйдет, кормилица приложила новорожденную к своим простым титькам. После собственного ребенка, мальчика, у нее оставалось много молока. Малышка присосалась с неожиданной яростью, и няня придумала для нее собственную молитву. *Пусть она вырастет сильной. Пусть вырастет ловкой.* Она взглянула на княгиню — пятнадцатилетняя, нежная и хрупкая, как подснежник, та лежала на кровати увядшая и сломленная.

А она пусть будет безобразной.

2

Влад не нашел времени на то, чтобы присутствовать при рождении своего второго ребенка от Василисы. Мальчик родился через год после своей сестры, будто торопясь прийти за ней в этот мир.

Няня обмыла новорожденного и протянула его матери. Он был крошечный, безупречный, с губками, похожими на бутон розы, и копной темных волос. Василиса лежала в постели, неподвижная, с остекленевшим взглядом. Ее глаза были устремлены в стену, и она даже не повернулась к сыну. Маленькая Лада теребила няню за юбку, насупившись и требуя внимания. Няня поднесла малыша к сестренке.

— Братик, — мягко сказала она.

Малыш заплакал, слабый и сдавленный звук его голоса встревожил няню. Лада нахмурилась еще больше. Пухлой ручкой она прикрыла ему рот. Няня быстро отдернула новорожденного, и Лада подняла глаза наверх. Ее лицо исказила ярость.

— Мой! — крикнула она.

Это было ее первое слово.

Пораженная няня рассмеялась и опустила малыша еще раз. Лада внимательно смотрела на него до тех пор, пока он не перестал плакать. Потом, довольная, протопала прочь из комнаты.

3

Если бы Василиса видела, что ее дочь возится на полу с собаками и сыном няни, Богданом, няня потеряла бы работу. Однако с тех пор, как четыре года назад родился Раду, Василиса ни разу не выходила из своих покоев.

Раду досталась вся красота, которую их отец желал бы для дочери. У него были густые ресницы, пухлые губы и мягкие кудри оттенка саксонского золота.

Богдан закричал, когда Лада (Ладислава, которой уже исполнилось пять лет и которая отказывалась отзывать на свое полное имя) укусила его за бедро. Он ударил ее кулаком. Она ударила его еще сильнее, и он позвал на помощь.

— Если даже ей вздумается съесть твою ногу, ей это позволено, — сказала няня. — Прекрати кричать, иначе я отдам ей и твой ужин.

Как и у брата, у Лады были большие, но близко посаженные глаза, а густые сросшиеся брови придавали ее лицу недовольный вид. Вечно спутанные волосы были такими темными, что по сравнению с ними кожа казалась болезненно бледной. У нее был крючковатый длинный нос, тонкие губы, мелкие и — если судить по возмущенным крикам Богдана — очень острые зубы.

Она росла непокорным, жестоким и самым подлым ребенком, о котором няне когда-либо приходилось заботиться. А еще она была няниной любимицей. По всем

правилам девочке полагалось быть послушной, тихой, пугливой и жеманной. Ее отец был обессиленным тираном, жестоким в своей немощи, и его по несколько месяцев кряду не бывало дома. Ее мать, хоть и жила с ними, тоже отсутствовала — погруженная в себя, забытая в собственном доме, никак не способная себе помочь. Родители Лады являлись яркими представителями целого региона — особенно родной земли няни, Валахии.

Но в Ладе она заметила искру, страстный, яростный огонек, который было не спрятать и не потушить. Вместо того чтоб искоренять это пламя ради уготованного Ладе будущего, няня, напротив, только раздувала его. Это дарило ей странное ощущение надежды.

Если Лада была колючим сорняком, пробившимся посреди пересохшего и потрескавшегося русла реки, то Раду был нежной, благоухающей розой, способной расти лишь в идеальных условиях и увядающей в любых других. Вот и сейчас он кричал из-за того, что няня замешкалась и не успела вовремя сунуть ему в рот ложку с жидкой кашей, подслащенной медом.

— Сделай так, чтобы он замолчал! — Лада взобралась на самую крупную гончую отца, которая с возрастом стала седой и терпеливой.

— И как же мне это сделать?

— Задуши его!

— Лада! Прикуси язык. Это твой брат.

— Он — червяк. Мой брат — Богдан.

Няня нахмурилась и вытерла лицо Раду передником.

— Богдан не твой брат. *Я скорее лягу с собаками, чем с твоим отцом*, подумала она.

— Он мой брат! Ты мой брат. Скажи, что ты мой брат. — Лада запрыгнула Богдану на спину. Хотя он был на два года старше и гораздо выше, она прижала его к земле, воткнув локти промеж лопаток.

— Да, да! Я твой брат! — запричитал он, то ли хихикая, то ли хныча.

— Выброси Раду вместе с помоями!